

где мой Транссиб весной, моя тяга к дыму,
угольный шлак у школ (не держи, пусти!
лучше расстреляну быть, чем тобой любиму)
цепи платформ (пожалуйста, не гляди!) —

...что же я делаю, всё улыбаюсь Крыму,
только и знаю — его прижимать к груди...

...клуб и стройбат... детдом... уже не приеду.
лывы у станции, мóкро и в сапогах.
где моё счастье — шлёндрать легко по свету?
где мои гонки — в ночь на товарняках?

всё отдала — чего нельзя исковеркать! —
каждый свой медный грош, нехитрый секрет...
детская мода — сквозь искры в ресницах зыркать:
в радужных пляшущих сферах выходит свет...

это метель ночная, Москва сырая,
это отчаянье (якобы торжество!)

мой протопоп, в Пустозёрске своём сгорая,
«не позволяй, — кричит, — себе ничего!»

В тех временах, где я бегу
по виадуку сквозь пургу
и в зверский хлад не чувствую колени,
как было весело лепить,

и на фанерках выносить
морозиться — семейные пельмени...

...От жизни всей — щепоть, пустяк, —
так мимо станций товарняк
прогрохотал, — и что осталось ныне?
с мужскою рифмой строгий ямб,
да с женской рифмой лёгкий ямб,
Гаспарова, Зализняка рабыне,

да этот, хоть уныл, а мил, —
кого он только не любил! —
но мимо всех, рассеян, смотрит в стену!..
...Цыган Забар свой сизый рот
скривит, — на кухне запоёт, —
и Солнечную с мест сорвёт систему!

дети посёлка, жующие «вар» —
в чанах на дамбе ужасный гудрон...
хлад нестерпимый и страшный загар
в сопках, в тайге наших детских времён.

было: мой угольный тяжкий угар,
обморок, несколько вялый испуг;
но как сиял грандиознейший пар —
им паровоз обдавал виадук!

было: Когиз, и сельпо, и Улаг,
чайная, пчелосовхоз, леспромхоз;
беглых из зон, свор голодных собак
я не боялась, страшилась лишь гроз,

что Катерина из драмы «Гроза»...
...ах, переезды с казённых квартир
с мамой-учительшей... всё чудеса,
эхо, побелка... о нет, рыбий жир!

в радужных стёклах — рассеянный свет,
холод собачий, и зеков ведут.
не расшатать ни один шпингалет
рам — не любили проветривать тут...

...что мне теперь униженья, весь бред?
...то, о чём думаешь, — не за горой.
...пол свежевымыт, бликует, сырой,
и на фрамуге тугой шпингалет.

...она наконец представилась: «Натали!» —
наверное, врёт: как хочешь, так понимай...
он — прочь пиджачишко свой серо-голубый (да, в нём замели!), —
морской пехотинец, Сайгон за ним, Индокитай.

...мгновенно уносят сюрприз, мой вселенский приз! —
учитель устало подымет лицо: «— Ну-ка, выйди вон!» —
сидишь на уроке, думаешь: «Учпедгиз»,
не знаешь, какой красавчик Ален Делон.

Крыло

Рваный, ланцетокрылый
воздуха океан
в прозрачных градириях, свёрлах,
подстанциях, колбах, тросах...
клеванты!* —
из масс воздушных слоющийся великан
вздёрнул над лётным полем
танцующую на стропах —
с чудовищной этой силой — заоблачного бурлака:
месит ли атмосферу, ворочает ли планету!..
всё ореолы, радуги
странствий, сны, облака...

Что, чегдомынского с жимолостью и черемшюю — нету?!
был ведь любимый поезд, в полночь полями бёг,
в сопках, меж лагерей, косящий под киноленту...
всяк, дикошар, от родины кинулся наутёк,
стал роднёй арматуре,
кабелю в стенке, цементу...

...Сыщешь, кем заменить —
сгребаящими сенцо
подростками;
в энцефалитках — продымленными мужиками, —
вдруг великан отпустит! — прикроешь тогда лицо
синими васильками.
Синими васильками.

* Клеванты — петли строп для управления куполом пароплана.

радужный круг у солнца, а жизнь — дотла;
воздух у насыпей от креозота пьян.
что тебе нравится — мадера иль марсала?
имя твоё выговаривают колокола:
особенно чётко они произносят: «...ан-н-н...».

«АН», Сихотэ-Алинь, вертолётов рой,
и при отдаче толкающий карабин,
лыжи, бинокли, лошади — детской игрой
всё пред тобой представляется, господин...

я и не знала, насколько нежна и груба;
вечно бегу к тебе сквозь закопчённый левкас.
воздух другой, и не меркнет солнце над воском трасс;
за атмосферой земли рыдает о страсти труба.

И я, моя жизнь, как усталая ты,
финала молю и терпенья:
и мне опротивели до тошноты
сии фестивали варенья...

...от бронзы позорной, чугунных чучундр,
дорог, преднамеренно узких,
от прыти чрезмерной посланника тундр,
от праздников этих зулусских...

Не правда ли, странен насмешливый тон
в эпоху воря и ушлёпков,
коль «Знаком Почёта» в Кремле награждён
«Хирург» — мотобайкер в заклёпках?!

Без меры — погибших (прости их, Оккам!) —
каким бы путём не спасались:
в кино моментально пошёл по рукам
отличный актёр На-спуск-палец...

...А ты не равняйся на стадных овец,
душа оскудеет не скоро —
ошеломлена чертежами небес
иль пением детского хора...
Так Дюрера — средневековый чепец
не меркнет — цветка водосбора...

И не испугаешься ни мертвецов,
ни чёрной тоски подколодной, —
родня бедных парков и нищих дворцов,
свободная в вечно свободной!

Сказал: — Напиши мне стишок! —
на, возьми же, дружок...

...Мы словно в плену, и везде бэтээры и танки,
повсюду взрывной этот шварцев смердит порошок
от самоубийцы в её гробовой вышиванке...

Меня унижающий и разрушающий шок...
Каверны, проломы, где реют убитых фигуры,
и двигатель — нищенский гуманитарный паёк,
и страшно неловко от дурищи-литературы...

Бетон развороченный, набок свисающий крест,
сгоревший автобус, в подвалах ужасные ночи,
и детская эта нашивка у Пегова «PRESS...»
тут невыносимы длинноты, короче, короче!

Такие родимые — Харьков, Харцызск, Иловайск
(звала «Целовайск», я умела любить и лукавить,
бывалоча с миленьким в «скором» свернём на Батайск...), —

как пленного женщина бьёт по лицу!.. Целовайск! —
и коршуном к ней — ополченец, орущий: «Отставить!»

Вряд ли тронешь слезьми
кладбищенского попа...
(с чёрных ступеней вскачь
об пол бьёт апельсин!).

Я не хочу терпеть
тяжкий! — повстанцев шик,
и ненавистна мне
дивизия «Галичина»:

только волокна слов
реют в табачной мгле,
да алкоголь шумит
в раковинах ушных!..

...Спаси Её, сохрани!..

в створах ночных пространств
Божье сопрано Вишневской
сияет, словно линкор!..

...Пусть мешковат танцор,
но как же он близок мне;
зову его полетать,
или потанцевать,

иль покататься вдруг
в Москве на фанерках с гор,
а то и некрасовский
вспомнить «Зелёный шум...»

Советник

в Киеве сдержанно он живёт,
Зверь Одинок... чи пьёт?
неодобрительно смотрит кот.
здравствуй, Поджатый Рот!
полно вставлять «очевидный крах»,
жизнь, в двадцать пятый кадр!..
в Ялте проснёшься — а снег в горах,
в тучах амфитеатр.

воздух из многих пластов, пластин
чуден, неуместим...
(пусть их! — весенний холодный Крым
греками нелюбим!)

на эльсиноры татар плевать;
в номере дыбом кровать;
меркнет, на доли разят апельсин, —
съесть или поцеловать?

Зверь Одинок — советник. Нехай
в шар головы во мгле
тычется рыба «бахчисарай»,
рыба «чуфут-кале...»

к сведенью всех: узел бурь в окне,
раздрай-караван-сарай,
строй кипарисов, грустным-грустён,
с оперной пальмой газон —

в память Победы в великой стране
Виктором назван он!

...Лишь оторви-да-брось из Москвы,
(этой никто не указ!)
лепит, смеясь: «Да постоит Вы!
сколько ж у Вас синих глаз...»

бьётся энергия в грейдерный снежный вал,
в пышной зайчиной деревне флюгер вертит...
так Леонардо движенье нам рисовал:
веер фигур смещён, как звезда летит.

...о, это мхом набивались в срубке пазы,
светло-зелёным; с болотищ несли в кулях.
вспомни хотя бы бледный язык козы,
косточки, стёклы в детстве на пустырях.

белый передник — ой! и чернильный круг! —
нет, не была я лучшей среди учениц...
...иль Тимирязевки ало-жемчужный вдруг
в поле, во тьме — запотелых огонь теплиц.

...этот кошмар, фараонов плен — мужицкий полон.
даже в кино не противен был Будулай.
что вы и ждали: рассвет, на Динамо лай,
и — скорбно-важно спящий, как фараон...

всё, что задумано (полно, о чём ты тут!) —
в сущности, можно сказать теперь, не сбылось.
как же мне нравилось в бане свиванье в жгут
и отжиманье от влаги больших волос!..

видишь, энергия, я и не ем, не сплю,
чуть ли не в путь собралась, стою налегке.
вырви как пулю из полости гиблой, молно,
и удержи, хоть на миг, мне в кулаке.

Так жалко церквей, церквей,
тайных моих опор,
вечно, подняв лицо,
молила: «Благослови...»

Кошка моя чуть свет
носила мне на крыльцо
ящерок в острых зубах —
в её головёнке мысль
мерцала: меня кормить!

Когда она умерла,
сниться мне принялась
женщиной молодой:

в сумрачных анфиладах,
набросанных так небрежно,
будто серебряным мелом, —
бегала с лёгким смешком,
не приближаясь ко мне...

...Старенький горный спасатель
к праздникам вечно слал
открыточки из Терскола:
сидел без ног у окна,
смотрел в бинокль на Эльбрус!..

...Знаю, в какой футляр
прячут любимые мной
лёгкие голоса...

...За что, за который грех,
изъеденные кислотой,
мне — не жене, не подруге! —
поэты кричат в лицо:
— Меня! Никто! Не читает! —...
убила бы! но люблю.

...Невыносимая ты!
что ж так (горька!) сладка?
пудовые слёзы мои
ночные на Третьем кольце...

...Вдохни и ещё вдохни:
вот уж прикрутят фитиль...
галоша в тёмном лесу
полна зеркальной воды.

*«снился
такой же пьяный, грустный...»
Мария Галкина*

Снились мне молодым
где-то на северáх,
среди вертолетов
зон и гидроузлов.

За щегольским письмом —
бег в Заполярье лыж,
тащит соляра шлейф
гусеничный тягач.

Гости-ханурики
и проханжисты тож
спьяну курочат скарб...
лишь табурет-скрипун
в кухне — щелястый! — жив.

Или ж вскрытия рек,
чеховское пенсне,
все его «наплюве»,
эти его «фю-фю» —
«с вешней водой уйду», —
лёгочный рёк больной...

Иль стилистический сбой —
женщинам несть числа;
всё, что наворотил —
слава, тщета и скорбь.

В «Аннушке» пахнет пыль;
глянуть сквозь облака —
тундра вся в зеркалах —
зренье слепят! — лагун.

С шорохом лёд-резун —
блётских миллиард гвоздей,
грубой огранки — игл,
рушится на берегах
близ лесобирж, мостов...

Так же массивы проз —
с чудом огней в буран,
в реющих сквозняках
с трассами мертвецов

тают, поглощены
жадным взором моим,
так хороша, мягка́
ирония, как люблю...

Николина Гора

Всё вывески аренд, продаж (спасите, мол!) —
Николина Гора: голубчики как ртуть;
в воюющей стране у всех под курткой ствол,
я мимо вас гляжу, мне вас не жаль ничуть.

Здесь откусили столь изрядно пирога
что (проще выплюнуть!) — не в силах проглотить! —
тут всяк министр — поэт, тут по TV пурга,
«прикольню!» — говорит мне в спину троглодит.

Здесь фосфорный скелет того, что больше нет,
но фосфорная взвесь нещадно льнёт ко рту.
Как жаль погибших сил, невозвратимых лет,
отбросивших страну за бедности черту...

...И князю монумент — ужасный без прикрас...

Жизнь за Перхушковым, меж лётных трасс, глассад,
с круженьем дочки на суфийский лад,
с бесхвостой ящеркой, не отводящей глаз...

Рыбный филин в штанцах пуховых
призрак рощ речных поселковых,
не боящийся никого, —
прилети да заклюй его!

В каждой бочке затычка, боже,
ну, Шарапов, у тя и рожа,
плюс вселенская трепотня,
убивающая меня...

Как обрыдло лжемилосердье...
это жизнь — пирожки с осердьем,
не понявшая ни шиша
жизнь с дырищей от «калаша»...

Ну, а впрочем, гуляй, рванина:
электронные пианино,
наши суши и канапе —
каждый сам сирота себе.

...Это тьма, это детства крохи
вспышкой: пенья, труда уроки;
в той избе так зловеща мгла:
у Еланской мать умерла!..

...Каждый царственен был, всемогущ...
Да, заклюй его, рыбный филин!
а вот Сашеньку, на Оби —
Денисенко — благослови!

